

Крымскотатарско-русская языковая интерференция: диахрония и синхрония

(MegaLing'2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий.
Доклады международной конференции. 22–28 сентября 2008.
Украина, Крым, Партенит. – Симферополь, 2008. – С. 319–322)

Интерференция – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся преимущественно при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от нормы и системы **второго** языка под влиянием родного [1, с. 197]. В рамках поставленной проблемы могут быть рассмотрены следующие вопросы: 1. вектор интерференции и её динамика в разные периоды жизни этноса; 2. языковая компетенция и тип билингвизма; 3. содержание понятия “родной язык”; 4. пути и способы реанимации миноритарных языков, находящихся в опасности; 5. личность как субъект и объект языковой интерференции и др. Остановимся на некоторых из перечисленных проблем.

Феномен крымскотатарско-русской интерференции отличается от классической модели, при которой, как выделено выше, только во **втором** (заимствованном) языке наблюдаются девиации на разных уровнях языковой системы. Крымскотатарско-русская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись.

Взаимодействие крымскотатарского и русского языков началось, как известно, после завоевания Крыма Россией (1783). На первых этапах оно было спорадическим и проявлялось в классической форме: второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары. Например: *чар* < *царь*; *Катарна́* < *Екатерина*; *Руси́е* < *Россия*; *истакан* < *стакан* и др. Как видно из приведённых выше примеров, искажения звукового состава русизмов были обусловлены спецификой артикуляционной базы крымскотатарского языка и его фонетических законов.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции, однако до тотальной депортации народа вектор интерференции оставался прежним: в русской речи крымских татар родной язык влиял на русский, что проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях.

Начиная с 1944 г. (после депортации) вектор интерференции стал **кардинально** меняться: при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ и активизации процессов формирования смешанных браков русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию последнего и даже его частичную аннигиляцию. (Оборот “аннигиляция языка” используется здесь как когнитивная метонимия: исчезает не язык, а носители языка, точнее – появляются новые генерации, не владеющие языком родителей.)

Сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Можно говорить о двух типах билингвизма, характерного для крымских татар: дополнительного (билингв использует русский язык без потери крымскотатарской языковой компетенции) и замещаемого (билингв теряет компетенцию в родном языке по мере овладения русским) [3, с. 36]. К этому следует добавить и большое количество монолингвов, с рождения владеющих только русским языком [4].

Здесь следует обратить внимание на такой феномен, обнаруженный мной по итогам всеукраинской переписи населения 2001 г.: 93% крымских татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6% -- украинский, 5% -- русский языки [2]. В то же время социально-лингвистический мониторинг показывает, что реальная демографическая мощь крымскотатарского языка (количество владеющих им в той или иной степени)

гораздо ниже. Указанный выше феномен можно объяснить тем, что термин «родной язык» крымские татары интуитивно понимают как язык самоидентификации с этносом, являющийся главной константой языкового сознания народа [3, 89]. Такое понимание обусловлено обострённым чувством патриотизма как реакции на социальную несправедливость, проявляющуюся в том, что решение актуальных для жизнедеятельности крымскотатарского социума проблем (получение украинского гражданства, политическая реабилитация народа, землепользование и др.) затягивается государством на долгие годы.

Вектор интерференции в современных условиях направлен от русского языка к крымскотатарскому: русский язык, который является первым языком для значительной части крымских татар детского, молодого и среднего возраста, активно влияет на все участки системы крымскотатарского языка. На уровне лексики это проявляется в наличии большого количества лексических заимствований и калек разного рода – словообразовательных, семантических, фразеологических; на уровне синтаксиса – в нарушении фиксированного порядка слов, характерного для тюркских языков; на фонетическом (речевом) уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов и др.

В связи с вышеизложенным следует рассмотреть феномен акцента в речи крымских татар как результат интерференции языков. На фоне безакцентного произношения значительной части крымских татар (как следствие образования в русской школе) можно говорить о наличии двух видов акцента: 1) крымскотатарского и 2) русского.

1) В звуковой стороне русской речи некоторых групп крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) можно наблюдать легкий крымскотатарский акцент, проявляющийся в форме специфической интонации. Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др. Природа этого феномена до сих пор не исследована [5]. Думается, он обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукции гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер. Думается, отличаются и редукционные схемы обоих языков.

2) В крымскотатарской речи детей, а также представителей молодого и среднего возраста заметен русский акцент. Он проявляется преимущественно в изменении дифференциальных признаков некоторых фонем крымскотатарского языка: задненёбный твёрдый звук [нг] произносится как русский переднеязычный зубной звук [н]; смычно-фрикативный (аффриката) нёбный звонкий звук [дж] произносится не слитно, а расчленённо, как русское сочетание [дж] (*джерем*); твёрдый смычно-фрикативный нёбный глухой [ч] – как русский мягкий звук [ч'] и др.

В нынешних условиях, когда остро стоит вопрос о возрождении и совершенствовании системы крымскотатарского языка [9], русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению миноритарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью – русско-крымскотатарских. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Наш опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [7, 8], а также их оценка пользователями убеждают в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной (в данном случае – крымскотатарский) язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на языке, находящемся в опасности.

Такую социальную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей.

Литература.

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н.Ярцева. -- М.: Советская энциклопедия, 1990. -- 685 с.
2. .2. О количестве и составе населения АРК по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия, № 4, 10.01.2003.
3. 3. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Казак университети, 2002. – 170 с.
4. 4. Эмирова А.М. Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.
5. Эмирова А.М. Русский дискурс как компонент речевой деятельности крымских татар // Информационный вестник Форума русистов Украины. -- Вып. 6. – Симферополь, 2003. – С. 55–61.
6. . 6. Эмирова А.М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 43. – С. 242–245.
7. Эмирова А.М., Усеинов С.М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. -- Симферополь: Сонат, 2003. -- 232 с
8. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. -- Симферополь: Доля, 2004. -- 176 с.
9. Эмирова А.М. Шляхи відродження і розвитку кримськотатарської мови // Україна–Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє / Збірник наукових праць. – Київ, 2004. – С. 410–414.